

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово	6
Январь 1989 года	15
Февраль 1989 года	54
Март 1989 года	55
Апрель 1989 года	71
Май 1989 года	95
Июнь 1989 года	118
Июль 1989 года	143
Август 1989 года	162
Сентябрь 1989 года	172
Октябрь 1989 года	188
Ноябрь 1989 года	224
Декабрь 1989 года	291
Эпилог	337
Послесловие к первому изданию	362

ВСТУПИТЕЛЬНО СЛОВО

«В жизни каждого человека однажды происходит очная ставка с плахой», – заметил писатель Чингиз Айтматов. И эта плаха – не просто место казни, но то место, где обретается истина, которую ищет человек.

Я почувствовал, что попал туда, где обретается моя истина, 4 ноября 1989 года. Слова Айтматова всколыхнулись у меня в душе, когда во время полумиллионной демонстрации протеста на берлинской Александерплац я взобрался на импровизированную трибуну, и тут резким свистом из толпы дало о себе знать мое оставленное позади прошлое – тридцать лет работы в качестве высокопоставленного чиновника Министерства госбезопасности.

Я принял приглашение выступить здесь, на этом митинге, среди других протестующих и находящихся в оппозиции к режиму. Я полагал, что принял сторону бунтарей этих последних лет, уволившись со службы, написав книгу «Тройка»¹, где обнародовал свой внутренний и внешний разрыв с обреченной системой, своими публичными выступлениями вселяя мужество во многих людей, вступивших в борьбу за гласность и перестройку у нас в стране.

---

¹ «Тройка» (в переводе на русский язык книга вышла под названием «Трое из 30-х: история несозданного фильма»). М.: Прогресс, 1990) – документальная повесть Маркуса Вольфа о судьбах трех современников, двух немцев, в том числе его брата Конрада, и одного американца, повстречавшихся в детстве в Москве. – *Прим. пер.*

Когда с пересохшим горлом я спрыгнул с грузовика, кто-то обратился ко мне: «Из генерала МГБ ты превратился в носителя надежды, а сейчас ты пошел вспять, чтобы вновь стать генералом МГБ». И этот человек, видимо, был прав.

В тот ноябрьский день я еще не представлял себе этот путь вспять столь отчетливо, как в последующие месяцы и как сегодня, когда пишутся эти строки. Стоило разбуженной народным гневом лавине со все большей скоростью двинуться по направлению к «Германии, единой Отчизне»¹, как я, к полному своему изумлению, оказался среди немногих сотрудников огромного аппарата МГБ, которые были поставлены в один ряд с теми, кто несет главную ответственность за множество допущенных несправедливостей. Моя приверженность новому, моя политическая дерзость в «Тройке» были незамедлительно преданы забвению, сочтены предусмотрительной перестраховкой провидца, больше не засчитывались и казались – во всяком случае, при взгляде из сегодня – чем-то несерьезным и мелким. Меня не без оснований все больше занимал вопрос: не были ли мои действия слишком осторожными, слишком безобидными, не слишком ли поздно я их задумал и предпринял?

Я спрашиваю себя: так что же было упущено или сделано неверно нами, нашим поколением, и поколением наших отцов, несмотря на искреннее желание осуществить добрые и благородные идеалы нашего мировоззрения в тех странах, где многие люди, подобно нам, верили в приход социализма? Но уже в процессе раздумий над всем этим, в гуще работы над рукописью книги в Берлине и Москве на меня нахлынули воспоминания о годах моей активной деятельности. В качестве бывшего руководителя главного разведывательного управления, то есть службы информации, я был вынужден

---

¹ «Германия, единая Отчизна» – слова из гимна ГДР. – *Прим. пер.*

вновь и вновь отвечать на вопросы об этой работе, а достаточно часто – и о тех ставших известными, сенсационными акциях, в частности в области государственной безопасности, за которые я не несу никакой ответственности, но которые крайне будоражили общественность. От меня ждут разъяснений по поводу того, что же происходило тогда на самом деле. В этой книге я попытаюсь кое-что разъяснить, например так называемую аферу Гийома¹, которая наряду с прочим привела к отставке федерального канцлера Вилли Брандта, а также еще несколько других фактов и процессов, но многое я оставляю для последующих публикаций. Я сознаю свою ответственность за людей, которых я привлек к работе в разведке – к тому делу, которое ныне, как и прежде, считаю необходимым и которому сопричастен. Для многих из них я воплощаю своей личностью, своей биографией, своими воззрениями те идеалы, которые они, как им казалось, утверждали или осуществляли в своей работе. Теперь они оказываются за чертой общества – и не только в социальном плане, но и во многих других отношениях. Эти разведчики вправе ждать от меня отклика. Они не повинны в репрессивной политике внутри страны. И от их имени я призывал народ на Александерплац не превращать их всех без разбора в козлов отпущения нации. Я вступаю за них, чтобы дать шанс этим людям сделать что-то позитивное для объединенной Германии, чтобы им не приходилось стыдиться перед своими детьми за прожитую жизнь.

Нападки на меня не ослабевают. Неделями мое имя, как ничье другое, треплют в связи с бывшими террористами из «РАФ»², нелегально проживавшими в ГДР;

---

¹ Афера Гийома – скандально известное разоблачение работавшего в интересах ГДР разведчика Гюнтера Гийома, состоявшего в аппарате канцлера ФРГ В. Брандта, которое имело серьезные политические последствия. – *Прим. пер.*

² РАФ («Роте армее фракцион») – левацкая террористическая группировка в ФРГ. – *Прим. пер.*

страницы газет пестрят злобными карикатурами на «волка в овечьей шкуре»¹, распространяется дезинформация о моей служебной деятельности и о частной жизни, а слова в защиту истины не находят слушателей. Поскольку эта глава бесславного прошлого до сих пор освещена очень слабо, а на ее осмысление еще требуется время, я обязан задавать вопросы самому себе. В прежней системе я занимал высокий пост, мне надо самому спросить свою совесть: какая доля моей вины связана с тем, что я сознательно закрывал глаза на происходящее?

Но, наверное, еще более тяжел груз понимания того, что, выполняя долгое время свои служебные функции, я поддерживал в целом ту систему, которую за несколько недель смел с лица земли народ и за которую надо нести ответственность. А тогда какой толк в оправданиях, ссылках на то, что в последний час, когда другие все еще молчали, я восстал? Правда, надо признать, что некоторые выпады против меня оставляют чувство горечи. Происходит нечто подобное библейской истории про козла отпущения: люди приписывают человеку, на которого пал жребий, свои пороки, ошибки и грехи, а затем прогоняют его в пустыню. Они очищали себя от скверны, они отрешались от содеянного, вместо того чтобы познать самих себя. Но рвать подобным образом с идиллическими представлениями о прошлом – значит исходить из предположения, будто все связанное с бывшей республикой следует уничтожить независимо от того, плохо это или хорошо.

Многие из тех, кто вступил в те дни в борьбу, ныне оказались на обочине, правда, их положение совсем иное, чем у меня. Так произошло то ли из-за того, что они, подобно мне, верили, что сумеют в Германской Демократической Республике соединить понятие «социа-

---

¹ В оригинале обыгрывается фамилия автора «Вольф», что по-немецки означает «волк». – *Прим. пер.*

лизм» с понятием «демократия», и ввязались в бой за это гораздо раньше меня, но с горькими последствиями для себя лично. То ли потому, что полагали, что гнилость и коррумпированность потерпевшей крах прежней системы не есть доказательство совершенства и долговечности другой системы, в которую мы все теперь вмонтированы. Тогда в заключение своего выступления, невзирая на свист, я воскликнул: «Может быть, своей борьбой мы сможем вернуть Михаилу Горбачёву и людям в Советском Союзе частицу того мужества и той надежды, которые они принесли в нашу страну вместе с перестройкой и гласностью».

Но надежда была недолгой.

Неужели мы прожили жизнь напрасно?

Так что же, был ложным путь моего отца, идя по которому гуманистически мыслящий практикующий врач стал страстным пацифистом, а затем убежденным социалистическим писателем, путь человека, который на излете своей жизни верил, что видит ростки вождя будущего здесь, у нас в ГДР?

А брат?

Разве Кони¹ не верил непоколебимо в истинный, гуманный социализм до последних дней своей жизни, когда сознание болезни нашего общества мучило его больше, чем собственные невыносимые страдания?

А моя жизнь?

В начале 1989 года я не мог себе и представить, что в конце его будут стоять такие вопросы.

Для нас этот год, столь основательно изменивший всю жизнь и страну, начался на нашей уютной даче, укрывшейся в лесу Бранденбурга. После того как мы отметили Новый год в празднично-холодной, отнюдь не способствующей подъему настроения атмосфере отеля,

---

¹ Кони – здесь и далее уменьшительное имя младшего брата автора, известного кинорежиссера Конрада Вольфа. – *Прим. пер.*

нам было приятно насладиться свежим зимним воздухом. Во время прогулок в тихую деревню мы вспоминали об ушедшем в прошлое первом годе пережитого нами здесь семейного счастья. Вся округа тогда пряталась в глубокие снега – деревья, сад, островерхая крыша домика.

Я наконец-то оставил свою службу в министерстве и начал работать над книгой. (Сейчас, в начале 1990 года, ничто не напоминало о той зиме.) Запущенная береговая полоса у нашего сонного озера являла взгляду вид скорее печальный.

Когда я оказался возле рыбацкого домика, там, где ручей вновь поворачивает в сторону от озера, где за мостком, к которому привязаны старые лодки, за садками для рыбы открывается водная даль, у меня возникло желание, часто приходившее и до этого, научиться рисовать, чтобы навсегда запечатлеть этот такой дорогой нам клочок земли. Маленький, словно заколдованный, фахверковый¹ домик, которому так и не удалось разрушиться самому по себе и который все еще занимает воображение детей, является (впрочем, как и многое другое тут) подтверждением правоты Теодора Фонтане, который в своих «Странствиях» отмечал, что в этой местности не имеет смысла задерживаться. При этом во времена летописца Бранденбургской марки² деревня едва ли была так разорена, как сегодня. Но Фонтане тем не менее упоминает церковь, на которую и сегодня, несмотря на ее столь же плачевное состояние, стоит все-таки пойти посмотреть. Мы радуемся каждой новостройке в деревне, свежей штукатурке на старых домах, прекрасно отремонтированному зданию детского сада. Здесь в любое

---

¹ Фахверк – особый тип традиционных каркасных домов в Германии, Нидерландах, ганзейских городах. – *Прим. пер.*

² Бранденбургская марка – маркграфство в средневековой Германии – в 1618 году объединилась с герцогством Пруссией в Бранденбургско-Прусское государство. – *Прим. пер.*

время года мы чувствуем себя больше дома, нежели в большом и шумном городе.

Вопреки совету рыбака Фрица забыть о существовании деревенского кафе, которое как раз сменило своего арендатора, мы рискнули, гонимые голодом, зайти в него. К нашему изумлению, кафе было открыто. В нем обосновалась небольшая компания, которая с утра пораньше принялась за пивом отмечать Новый год. Сидел там и бургомистр. Новая приветливая хозяйка, с которой мы еще не были знакомы, то и дело приносила всем заглянувшим сюда пиво, которое по очереди заказывали посетители, сидевшие за разными столиками. Один из них, постарше, как раз заказал на всех шнапс и втянул нас в разговор, когда к нам подсел порядком подвыпивший печник Волли. Знакомство завязалось быстро. Он рассказал о себе и затем начал незаметно нас прощупывать. Откуда мы – из Берлина или «с другой стороны»? Когда я дал понять, что пишу книгу, он решил, что я «какой-то особенный». Неожиданно он спросил: а может быть, ты русский? Странно, но это уже бывало со мной не один раз. При этом ни мой облик, ни моя речь вроде бы не должны были давать повода для такого заключения. Наверное, во мне все-таки осталось что-то от «русской души». После пары дружеских комплиментов, обращенных к моей жене Андреа, коварно затеянное интервью было продолжено. Есть ли у нас в этих местах земельный участок? Когда я упомянул о валунах в фундаменте нашего дома, Волли понимающе кивнул. Он уже строил такие дома. Его предложение обращаться к нему в любое время, когда только он нам понадобится, звучало весомо в его устах – устах мастера своего дела. Между столами продолжалось взаимное угощение, в том числе между нашим и тем, за которым сидел бургомистр. Наконец, бургомистр пересел к нам. Он попытался заинтересовать меня собранием жителей. При этом он, конечно, больше хлопотал о том, чтобы заполнить необыкновенного гостя на сходку пенсионеров.

Конечно, я охотнее проверил бы на молодых людях отрывок из первой главы «Тройки», посвященный годам нашей юности в Москве.

Чувство умиротворения, успокоения, которое я испытывал в начале года, вызывалось тем, что я был на какое-то время избавлен от волнующих проблем последних дней истекшего года, которые были связаны для меня с такими коллизиями. Но как надолго?

Столетие со дня рождения отца (23 декабря 1988 года) сделало достоянием общественности те конфликты, которыми сопровождалась моя жизнь после увольнения со службы и которые особенно проявились с приближением даты юбилея. С одной стороны, происходило много радостного: Нойвид-на-Рейне, город, где родился отец, вновь признал его как своего уроженца. И в нашей стране отцу воздавалось много почестей, становились известными новые свидетельства его воздействия на современную молодежь. В то же время начался яростный спор с руководителями партийной прессы, которые хотя и хотели бы использовать юбилей Фридриха Вольфа для укрепления социалистических традиций, но охотно обошли бы молчанием его выступления за индивидуальную свободу и человеческое достоинство, его призывы к гражданскому мужеству. Поводом для разгоревшегося летом 1988 года конфликта был снятый по заказу телевидения ГДР документальный фильм «Простите за то, что я человек». Камнем преткновения стал фрагмент фильма, в котором принимал участие и я и который рассказывал об известных репрессиях в Москве в эпоху Сталина. И поскольку я вместе с авторами отверг предложение руководства телевидения вырезать этот кусок, на фильм вообще был наложен запрет.

Негативная слава «перестройщика», которой я пользовался у Иоахима Германна, члена Политбюро ЦК СЕПГ, ведавшего агитацией, и у руководства телевидения, потянулась за мной и в Москву, куда я направился.

Поехать мы с женой решили непосредственно перед юбилеем, чтобы принять участие в торжественном открытии памятной доски в честь отца и брата. Эта идея родилась в Берлине. Дабы ее осуществить, пришлось преодолевать многочисленные бюрократические препоны в обеих столицах. И только направленное Германном Аксеном в ЦК КПСС письмо, которое благословил Эрих Хонеккер, открыло и в Москве двери в многочисленные компетентные органы. И если в ГДР скульптор и работавший с ним каменотес торопились изо всех сил, высекая из черного гранита памятник отцу и брату, то Моссовет совершил – по тамошним понятиям – маленькое чудо и отремонтировал сильно подточенный временем фасад дома, где мы жили и где предстояло установить памятную доску. Теперь не оставалось никаких препятствий для ее торжественного открытия, которое поначалу казалось почти невозможным.

Мне трудно описать те мысли, воспоминания и чувства, которые нахлынули на меня на маленькой трибуне в Нижнем Кисловском переулке, расположенном рядом с Арбатом, в самом центре Москвы. Эти впечатления я потом отразил на страницах «Тройки». Среди друзей разнослась весть о дне и часе торжества; пришли многие, в том числе и бывшие соседи. В толпе я видел знакомые лица; но кое-кого из тех, кто через сорок или даже пятьдесят лет обратился ко мне с вопросом: «Ты меня не узнаешь?» – я совершенно не мог припомнить; они исчезли из моей памяти.

Покрывало, закрывавшее памятную доску, было снято, прозвучали речи, все захлопали. Присутствовали почетные гости, среди них – посол ГДР. В общем, целое событие. Оно могло бы стать для журналиста телевидения ГДР в Москве подходящим случаем, чтобы придать более дружественный оттенок корреспонденциям из великой братской страны, которые давно уже перестали быть благожелательными. Он наверняка собирался это сделать, однако его начальство в Берлине категорически

запретило ему присутствовать на церемонии. Зато в тот же день демонстрировался документальный фильм об отце – с сокращениями, без согласия его авторов. Были выкинуты эпизоды о Сталине и репрессиях. Авторы и Академия художеств тотчас же заявили протест.

Вернувшись домой, я послал письмо Эриху Хонеккеру. Когда его писал, я размышлял о судьбе «Тройки». Книга должна была стать моим вкладом в перестройку в ГДР. Мы с издателем были одного мнения, что рукопись книги до ее публикации не следовало посылать ни в какую инстанцию. Конфликт из-за фильма мог помешать осуществлению нашего замысла.

Да к тому же еще именно тогда в предновогоднем номере «Шпигеля» было напечатано мое интервью, данное в Москве, – первое мое интервью, появившееся на Западе. Собственно говоря, оно замышлялось западногерманским издательством в целях оповещения публики о моей «Тройке», которая по плану должна была выйти в свет в начале года. Теперь его можно было прочесть под заголовком «Я охотно съездил бы в Штутгарт». Авгуры в партийном руководстве должны были воспринять это как провокацию. Ведь из интервью, естественно, почти целиком исключили вопросы и ответы в связи с книгой и, напротив, не пожалели места на вопросы и ответы о моей прежней деятельности в разведке и на щекотливые в ту пору темы. А что будет дальше?

В своем дневнике я отмечал в те первые январские дни:

Январь 1989 года

04.01.1989

На интервью в «Шпигеле» и на письмо Хонеккеру в прошедшую после Нового года неделю не было никакой реакции. Все еще теплится надежда на проявление разума, на то, что спорные вопросы будут обсуждаться без размахивания дубинкой. Видимо, так надо толковать высказывания Хагера в связи с предстоящим сове-